
МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-1

DOI 10.37386/2305-4077-2026-2-174-194

© К. В. Каменский¹

*Курский государственный университет
Курская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (Курск, Россия)*

ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА И МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ХЛЕБНИКОВА: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРЁХ ПОЭТОЛОГЕМ («МЫСЛЕЗЁМ», «Я-МИР», «МЫСЛЯЩАЯ ПЕЧЬ»)

В статье анализируется ключевая для В. Хлебникова триада поэтолога: «мыслезём», «Я-Мир» и «мыслящая печь». В рамках предложенной трёхуровневой модели «мыслезём» трактуется как натурфилософский фундамент, представляющий космос единым мыслящим организмом. «Я-Мир» является мифопоэтическим развитием этой идеи, воплощая взаимопроникновение личности и вселенной. «Мыслящая печь» конкретизирует мировой разум на уровне индивида, изображая мышление и знания как особую силу, способную провоцировать конфликты. Делается вывод, что единство человека и мира у Хлебникова – не данность, а творческий акт, реализуемый на космическом, мифопоэтическом и личностно-ментальном уровнях.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, поэтология, мыслезём, Я-Мир, мыслящая печь, авангард, будетлянство, Серебряный век

Kirill V. Kamensky

*Kursk State University (Kursk, Russia)
Kursk Laboratory of Forensic Expertise of the Ministry of Justice
of the Russia (Kursk, Russia)*

THE UNITY OF MAN AND THE WORLD IN THE WORK OF V. KHLEBNIKOV: AN INTERPRETATION OF THREE POETOLOGEMES ("THOUGHT- EARTH", "I-WORLD", "THINKING STOVE")

---

¹ Кирилл Владимирович Каменский – аспирант Курского государственного университета, государственный судебный эксперт Курской ЛСЭ Минюста России. ORCID 0009-0007-3354-5233. E-mail: deconstruction@internet.ru.

The article analyzes V. Khlebnikov's key triad of poetologemes: "thought-earth", "I-World", and "thinking stove". Within the proposed three-level model, "thought-earth" is interpreted as a natural-philosophical foundation, presenting the cosmos as a single thinking organism. "I-World" is the mythopoetic development of this idea, embodying the interpenetration of the individual and the universe. The "thinking stove" concretizes world reason at the level of the individual, depicting thought and knowledge as a special force capable of provoking conflicts. It is concluded that the unity of man and the world in Khlebnikov is not a given, but a creative act realized on cosmic, mythopoetic, and personal-mental levels.

Keywords: Velimir Khlebnikov, poetology, thought-earth, I-World, thinking stove, avant-garde, Budetlyanstvo (Futurism), Silver Age

Единство человека и мира является одной из ключевых категорий художественно-философского мышления Велимира Хлебникова. Поэт стремится преодолеть разрыв между живым существом и окружающей реальностью, для чего создаёт целостную модель космоса, в которой человек и природа связываются посредством мышления и оказываются проявлениями одной универсальной силы. В центре данной системы расположены три ключевые поэтологемы, а именно: «мыслезём», «Я-Мир» («Мирязь») и «мыслящая печь». Они репрезентируют разные модусы одной художественно-философской модели, в которой мыслительная деятельность, творческое «Я» и космическая природа оказываются тождественны и взаимозаменяемы.

В ходе анализа работ, в которых описываются понятия «поэтология» и «поэтологизм» [Житенев, 2022; Егоров, 2013; Федотова, 2012; Бердникова, 2009; Корчинский, 2004; Тростников, 1998], выводится следующее определение поэтологизма (поэтологемы, поэтологического термина/образа) для решения задач текущего исследования: *это это регулярно воспроизводимая в текстах одного автора образно-терминологическая единица, обладающая устойчивым семантическим ядром и функционирующая одновременно в художественном, научном, философском и др. дискурсах, посредством чего она формирует и репрезентирует авторскую модель поэтического мышления*². Поэтологизмы обнажают представления автора «о предельных характеристиках поэзии, поэтичности и поэтического» [Житенев, 2022, с. 27] и позволяют проникнуть в его поэтическую логику, то есть собственно поэтику/поэтологию³. Одновременное функционирование и в роли художественного образа, и в качестве философского/научного термина (концепта) обуславливает способность поэтологом выражаться в разных

² Курсив здесь и далее наш. – К.К.

³ В контексте работы понятие «поэтология» не ограничивается обычно ему присущей характеристикой «саморефлексивность», используется наряду с терминами «поэтика», «поэтическая логика», «идиостиль».

формах, объединённых функционально-семантической общностью, или скрыто «присутствовать как отсутствие» [Лотман, 2000, с. 12] в виде мотивов, идей, имплицитных эстетических реализаций. Одной из известнейших поэтологом Хлебникова в таком понимании является «будетлянство» (в том числе его корреляты: «временин», «будетлянин», «будетлянский», «творянин», «Председатель Земного Шара», «страна Будетли» и др.).

Избранные для анализа образы-концепты («мыслезём», «Я-Мир», «мыслящая печь»), насколько известно, не выступали в качестве предмета отдельного исследования с позиций непосредственно литературоведческого анализа, а именно установления семантики и особенностей функционирования на материале конкретных художественных произведений. Кроме того, в научной литературе на сегодняшний день отсутствует сравнительно-сопоставительное рассмотрение данных поэтологических образов Хлебникова. Между тем предполагается, что оно необходимо для понимания целостной концепции единства человека и мира в творчестве Хлебникова, а также идеи Единого как существенной категории авторской поэтологии [Дуганов, 1990, с. 48, 86, 140–141; Григорьев, 2000, с. 39, 397, 485; Боклагов, 2000, с. 48–58] и, разумеется, идиостилия поэта в целом. Соответственно, целью предпринятого исследования является реконструкция концепции единства человека и космоса в творчестве Хлебникова посредством рассмотрения трёх поэтологом – «мыслезёма», «Я-Мира» и «мыслящей печи». Предполагается, что «мыслезём» и «мыслящая печь» соотносятся как общее и частное, а связующим иерархическим элементом для них выступает «Я-Мир». В нашей работе используются следующие методы исследования: компаративистский анализ (при сравнительном рассмотрении поэтологом и проведении параллелей с творчеством других поэтов), «метод широких контекстов» (при анализе «всех текстов, не только поэтических, в виде единого корпуса, из которого вычлениаются повторяющиеся лексические единицы, а также единицы более высоких уровней – мотивы, образы, эпизоды и т. д., – с тем, чтобы потом установить значение (значения) всех этих единиц...») [Баран, 2002, с. 23]), герменевтико-интерпретационный (при работе с конкретными текстами и образами, а также при выявлении семантики избранных поэтологизмов).

Основополагающим образом-концептом в указанной триаде является «мыслезём», формирующий натурфилософское понимание мира как единой ментальной силы. Подробный теоретический анализ «мыслезёма» и его сопоставление с рядом возникших после концепций («ноосферой» Э. Леруа, Т. де Шардена и В. И. Вернадского, «пневмосферой» П. А. Флоренского и «психосферой»

А. Л. Чижевского) осуществляется в ряде работ [Дуганов, 1990, с. 284–297; Боклагов, 2000, с. 37–48; Сивоплясова, 2013, с. 93, 121–125; Чинаев, 2019, с. 76–77]. С. В. Кекова и Р. Р. Измайлов, сопоставляя рассматриваемый образ Хлебникова с мотивом панантропизма Н. Заболоцкого, характеризуют «мыслезём» как «поэтическую философему» [Кекова, Измайлов, 2015, с. 176–186], которая отчасти пересекается с нашим определением поэтологемы. Так как содержание исследуемого понятия в научной литературе представлено достаточно обстоятельно, мы дадим лишь краткое теоретическое описание и сосредоточимся на анализе текстов, в которых реализуется данная поэтологема.

М. С. Киктев сравнивает содержание поэтологического термина с отдельными компонентами философской системы В. С. Соловьёва: «...*Мыслезём* Хлебникова восходит к соловьёвской “Богоземле” (“Адам – сын земли, но не просто земля, а, так сказать, Богоземля; Христос – сын человеческий, но не просто человек, а Богочеловек”). Образ человечества как “Богоземли” связан с принципиальным для Соловьёва понятием “богоматерии”, которое трактовано не менее шести раз в четырёх работах и ассоциируется не только с “богоматерью”, но и с “матерью-природой”, а в его поэзии – с образом “Земли-Владычицы” (ср. у Хлебникова: *Земля волит быть мозгом!*)» [Киктев, 2007, https://www.ka2.ru/nauka/kiktev_2.html]. По свидетельству составителей шеститомного собрания сочинений поэта, слово «мыслезём», употреблённое в статье Хлебникова «О будущем человека», содержит коннотацию «очеловечивания природы» [Хлебников, 2020, т. 6, с. 527]⁴. Такое описание позволяет понимать «мыслезём» как персонификацию неодушевлённых категорий мира (в сущности, гипостазирование). Поскольку у Хлебникова природа часто выступает в качестве лирического субъекта [Боклагов, 2000, с. 50], «мыслезёмной» оказывается достаточно существенная часть творчества автора. В этом ключе Н. Л. Степанов, проводя ассоциацию с философской системой Г. Лейбница, заметил, что в представлении Хлебникова люди, боги, горы, растения и – стоит полагать – другие объекты действительного мира представляют собой «равноправные “монады” мироздания» [Степанов, 1975, с. 233].

Хлебников вводит «мыслезём» как натурфилософское понятие, ориентированное на естественнонаучное знание, пробует выразить его на греческом языке и иллюстрирует содержание в ряде изречений, в которых соотносятся «земля»

---

⁴ Произведения В. В. Хлебникова цитируются по: Хлебников, В. В. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Академический проект: Трикта, 2020. Далее при цитировании номер тома и страницы указываются в круглых скобках после цитаты. Случаи цитирования по другому источнику оговариваются особо.

(а также «Земля») и «мозг»: «Поистине: **земля** волит быть **мозгом!** / **Земля – мозг, всё мыслезём.** / Сириус нашего бытия»⁵ («О будущем человека», <1907>⁶, т. 6, с. 14), «**γε-voνς** – поклонники **генус.** / Сион братьев – **Земля-Мозг!** / Аксиома» («Новое», <1907>) (т. 6, с. 15), «Стремление к отщепенству некоторых русских народностей объясняется, может быть, этой искусственной узостью русской литературы. **Мозг земли** не может быть только великорусским. Лучше, если бы он был материковым» («О расширении пределов русской словесности», 1913, т. 6, с. 62), «Разве это не чудо – **новый воздушный мозг, опутывающий землю?** / То, что мы находили под крышкой черепа, теперь сами строим **для земли и всего рода людей как мозг нового существа**» («Необходимо труду вернуть его природе чуда», <1920>, т. 6, с. 246). В цитируемых теоретических текстах утверждается идея «Земли-Мозга», то есть природные объекты изображаются как субъекты когнитивной деятельности.

Реализации «мыслезёма» осуществляются в ряде художественных произведений автора: стихотворениях в прозе «Искушение грешника» (1908) и «Песнь Мирязя» (<1908>, <1912>), стихотворении «Голод» (1921), поэмах «Труба Гульмуллы» (1921) и «Синие оковы» (1922), свержповести «Зангези» (1920–1922). Рассмотрим некоторые из них.

«Песнь Мирязя» – яркий образец творчества раннего Хлебникова, сочинение, в котором ярко представлена эстетика не чуждого автору (нео)романтизма [см. об этом: Кузовлева, 2023; Васильев, Кузовлева, 2025]. Стихотворение в прозе изображает бесконечно длящийся момент сотворения мира в процессе игры на музыкальных инструментах. В одном из фрагментов Хлебников пишет: «В **мыслезёмных** воздушных телах сущих возникали каменные взоры и взгляды, а высеченные из некоего изначального мирня мировые тела трубящих мирязей свивались в двувзглядный взор и медленно опускались на дно морское» (т. 5, с. 21). Здесь семантика второй составной части («-зем») значительно ослаблена, подчинена первой, то есть «мысль» главенствует над «земным» притяжением. *Мыслезёмные воздушные тела сущих* можно интерпретировать как ментальные создания (идеи, платоновские «эйдосы») или «мыслительное вещество», о котором в связи с рассматриваемой единицей писал Р. В. Дуганов [Дуганов, 1990, с. 285].

---

⁵ Здесь и далее выделено нами. – К.К.

⁶ Здесь и далее даты в угловых скобках приводятся по шеститомному собранию сочинений Хлебникова [СС]. Они обозначают примерное, предполагаемое время создания того или иного текста. Та же характеристика – предполагаемость – относится и к названиям текстов. Напр., см. ниже наименование экспериментальной прозы «Симфонии “Любь”».

В шестой части поэмы «Труба Гуль-муллы» появляется образ олицетворённой горы («Снежные мысли, / Белые речки. / Снежные думы / Каменного мозга» (т. 3, с. 256), благодаря которому реализуется философско-художественный дискурс пантеизма. Хлебников, как «поэт естествознания» (характеристика наша. – К.К.), наделяет геологический объект способностью мыслить, то есть воплощает значение «мыслезёма» в образе горы. В цитируемом фрагменте на себя обращает внимание метафорическая проработанность поэтологического элемента. Рассмотрение по степени появления образов в тексте («вслед за автором») показывает, что «каменный мозг» обозначается в последнюю очередь, ему предшествуют «снежные мысли» и «снежные думы», то есть орган, обеспечивающий мышление, появляется в тексте после указания на наличие результатов когнитивной деятельности. Подобно этому в Священном Писании свет появляется прежде его источника – Солнца. Компаративистский анализ позволяет обнаружить схожую поэтическую стратегию в одном из произведений О. Э. Мандельштама. В стихотворении «Звук осторожный и глухой...» (1908) следствие (звук) предшествует причине (падению плода), знаменуя первичность Слова (Логоса), которое созидает мир: «Звук осторожный глухой / Плода, сорвавшегося с древа, / Среди немолчного напева Глубокой тишины лесной...»⁷ [Мандельштам, т. 1, с. 34].

В поэме «Синие оковы» для реализации поэтологемы «мыслезём» используется вариант «мировой разум»: «Я верю: **разум мировой / Земного** много шире **мозга** / И через невод человека и камней / Единою течет рекой, / Единою проходит Волгой. / И самые хитрые мысли ученых голов, / Граждане мозга полов и столов, – / Их разум оболган. / Быть может, то был общий заговор / И дерева и тела. / Отвага глаза, ватага вер / И рядом вишневая розга, / Терновник для образа несшая смело» (т. 3, с. 339). В связи с приведённой выше выборкой цитат из теоретических текстов возникает смысловой диссонанс. Казалось бы, «Земной мозг» и «мировой разум» должны состоять в отношениях взаимозаменяемости, синонимии, но в приведённом отрывке они противопоставлены. Почему данные метафоры реализуют антитезу? Здесь «Земной мозг», в отличие от иных воплощений в рассмотренных произведениях, является не только метафорой, но и метонимией и обозначает непосредственно головной мозг как центр мышления человека / людей («мозг землянина»). В то же время «мировой разум» является интегративной метафорой и выражает объединение когнитивных усилий человечества в единую сеть, которая «много шире» человеческого мозга потому, что он «изменяется очень медленно» (т. 6, с. 15). Но это неполное прочтение. «Мировой

---

⁷ См. и ср.: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин.1:1).

разум» в соответствии со своим именем включает в себя весь «мир» (не только то, что ограничено Землёй, но и космос), иными словами, ментальную силу, которая общим потоком проходит сквозь «невод человека и камней», пантеистически уравнивая живое и неодушевлённое. Тожественными оказываются деятели науки, и «граждане мозга полов и столов», чей общий ум подвержен атаке неправды, гласящей, что они раздельны, а не едины. Гораздо позже французский экзистенциалист А. Камю в контексте проблемы осмысленности человеческого существования напишет: «Будь я деревом среди деревьев, кошкой среди животных, эта жизнь имела бы смысл или, точнее, сама эта проблема не имела бы смысла, ведь я составлял бы частицу мира. Я был бы этим миром, которому я сейчас противостояю всем моим сознанием и всей моей потребностью сблизиться с сущим» [Камю, 1998, т. 2, с. 47]. Обозначенная Камю противопоставленность миру возникает по той причине, что человек обычно отграничивает себя от окружающей реальности, обозначает её элементы как объекты, неодушевлённые предметы, которые могут подвергаться различным воздействиям, но сами не могут быть активными. Словно по-будетлянски, сквозь время споря с вербализованной философией позицией, поэт предполагает, что «дерево» и человеческое тело объединены общим заговором, нераздельно – «мыслезёмно» – связаны. Подобные пантеистические идеи находят отражение в самых различных произведениях Хлебникова (напр., в прозе «Еня Восейков»).

Для лучшего понимания обозначенной в «Синих оковах» антитезы обратимся к интерпретации образа «мирового разума», сделанной Р. В. Дугановым: «...Это, так сказать, свободная необходимость Природы, единая цепь превращений вселенского разума. / Для поэта весь мир есть единый, всепроникающий и всеохватывающий мировой Ум. В нем нет ничего внешнего, что не было бы в то же самое время внутренним, нет ничего объективного, что не было бы субъективным, ничего материального, что одновременно не было бы идеальным. И наоборот. Здесь всё есть всё, всё субъект-объектно, лично-внелично и т. д., короче говоря, всё есть Единое» [Дуганов, 1990, с. 140–141]. В данном контексте стоит отметить наблюдение Е. А. Михалик, которая обнаруживает, что в подобных описанным уравнениях мира природы и человека проявляется метасюжет художественного творчества Будетлянина: «Вся логика лирико-философской системы Хлебникова предполагает воплощение идеала единства мира путем преодоления процессов распада и разъединения, понимаемых как негативные, противоестественные, несущие гибель. Таким образом, метасюжет поэзии Хлебникова можно определить как метасюжет *преодоления разобщенности мира*» [Михалик, 2010, с. 5]. Наконец, в интересующем нас аспекте показательно ёмкое высказывание

М. С. Киктева: «Мыслезём манифестирует единство человека и мира и человеческую мысль как мировую, природную силу» [Киктев, 2007, https://www.ka2.ru/nauka/kiktev_2.html].

Таким образом, «мыслезём» символизирует *имеющую множество форм воплощения, но при этом единую создающую ментальную силу, которая уравнивает человека и природу, тем самым преодолевая разобщённость мира и стирая границы между микро- и макрокосмическим*. Коротко говоря, это *синтез идеальных и материальных начал бытия*.

Рассмотренная натурфилософская модель получает мифопоэтическое развитие в образе-концепте «Я-Мир». Автор создаёт данную поэтологему для иллюстрации взаимопроникновения субъекта и космоса, в результате которого образуется единая творящая инстанция. Относительно данной направленности творчества Будетлянина Е. А. Капустина отмечает, что поэтическое «Я» Хлебникова колеблется от миниатюрного (овод, кузнечик и др.) до гигантского (государство, звезда, вселенная и т.д.) и что такое расширение и сжатие субъекта формирует особый тип мифологического мышления [Капустина, 2005, с. 74].

Первое эксплицитное использование поэтологизма осуществляется в прозоиде, который условно датируется <1907> г. – «Юноша Я – Мир». Уже название репрезентирует некоего молодого человека в качестве существа, которое объединяет микро- и макрокосм. Хлебников пишет: «Я клетка волоса или ума большого человека, которому имя – Россия. / Разве я не горд этим? / Он дышит, этот человек, и смотрит, он шевелит своими костями, когда толпы мне подобных кричат “долой” или “ура”. Старый Рим, как муж, наклонился над смутной темной женственностью Севера и кинул свои семена в молодое женственное тело. / Разве я виноват, что во мне костяк римлянина? / Побеждать, завое<вы>вать, владеть и подчиняться – вот завет моей старой крови» (т. 5, с. 10). Отчасти воплощая эстетику гражданского романтизма, лирический субъект осознаёт себя маленькой частью огромного человекоподобного организма-государства – России. При этом он точно не понимает, является ли частью материального волоса или ментального ума. Неопределённость указывает на единство физического и мысленного и соотносится с поэтологическим содержанием «мыслезёма». Метафора человека-страны разворачивается на протяжении всего текста и таким образом обретает художественную «плоть».

Поэтологизм получает масштабное представление в стихопрозе «Песнь Мирязя», само название которой, согласно Р. В. Дуганову, «указывает на обратимое единство внеличного и личного. Неологизм *мирязь*, как будто образованный

по типу *витязь*, на самом деле соединяет “мир”, то есть внеличное начало, с “я”, то есть началом личным, в едином образе: *мир-я-зь*. <...> И, собственно, “Песнь Мирязя” есть не что иное, как гимн в честь этого единства, где мир выступает как личность, а личность – как мир» [Дуганов 1990, с. 306–307]. Стоит отметить, что «Мирязь» представляет собой не только «Я» как «мир, мир во мне» [Иванов, 2005, с. 70], но обозначает существо, творящее новые онтологические структуры. В данном наименовании также содержится иной, важный для понимания идиостиля Хлебникова компонент смысла: элемент «-язь», восходящий к древнерусскому «Язь» и старославянскому «Аз», по Хлебникову, определяется как «освобождённая личность, освобождён<ное> Я» (т. 2, с. 203). Соответственно, «Мирязь» оказывается ‘свободным миром «Я» и волей, творящей мирь’. В рассматриваемом произведении демиургические функции выполняются посредством духовых музыкальных инструментов (труб и дудочки-«мирели»). Сами «мирязи» не являются изначальными существами, изображаются как сотворённые сущности: «...Высеченные из некоего изначального мирня мировые тела трубящих мирязей свивались в двузглядный взор и медленно опускались на дно морское» (т. 2, с. 26). В «Песне Мирязя» мифопоэтическая сила музыки равно порождает физическое (материальный мир) и идеальное («мыслезёмные воздушные тела»). Подобно мелодии, мир «длится», то есть раскрывается в своей процессуальной неопределённости, не является законченным творением.

Поэтологема «Я-Мир» имеет также имплицитные и полумплицитные реализации в следующих текстах автора: «Огнём-сечём **высек я мир...**» (первая строка стихотворения 1907 г.) (т. 1, с. 39), «Грезирой из **камня немот / Я высек чертоги** грезини-немог. / Я в тебя молитвой мёчу, / Мира славный жародей...» («Грезирой из камня немот...», 1907–1908) (т. 1, с. 93), «Любынь любыльников, боголюбовная **ясть** люб» («Симфония “Любь”», <1907–1908>.<1912>) (т. 5, с. 19), «...После метели ужасных и страховидных кумиров был **Ястмир** людоногий, парящий над всем...», «И ответным клёкотом клекотал **Ястлюд**, срывающий клювом человеческую пену с людяного моря» («Искушение грешника», 1908, т. 5, с. 37). В двух первых из цитируемых произведений рассматриваемая поэтологема представляется через мотив миротворения. Причём лирический инструментарий или материал для осуществления деятельности представлен особыми, сложными образами (*огнём-сечём* и *камнем немот*), но в обоих случаях мир (или его часть) создаётся активным действием героя – «высечением». В стихопрозаических произведениях «Я-Мир» воплощается через смыслонесущий элемент «Ясть» / «Яст», который «соединяет местоимение первого лица <...> с суффиксом – ость, означающим, по Хлебникову <...>, “дух, ось мира”, “суть”,

“ость явлений”» (т. 5, с. 348). Возможно, поэтологический вариант «Яст(ь)» также включает в себе глагол «есть», на что указывает, во-первых, формальная схожесть (*я-сть – е-сть*), во-вторых, семантика (‘Я – это то, что живёт, сознаёт себя живым, тот, кто *есть*’), в-третьих, одна из расшифровок поэтом суффикса -ость – «суть»⁸.

В <Симфонии “Любь”> «боголюбивная **ясть** люб» (т. 5, с. 17) выступает как творящая сущность романтического слова-мира, на что указывает построение всего текста в качестве поэтико-словообразовательного этюда, характеризующего лирическое «Я» через его отношение к различным сущностям «любви». Наконец, в прозоиде «Искушение грешника» используется нетипичное для Хлебникова представление поэтологизма «Я-Мир» через неатропоморфное существо: он воплощается в образе птицеподобного, но при этом «людоногого» существа Ястмира/Ястлюда. Отталкиваясь от приведённого выше предположения о семантике элемента «Яст(ь)», данные имена интерпретируются как *Естьмир* и *Естьлюд* соответственно. Тем самым раскрывается амбивалентная структура образа, который, с одной стороны, связан с креацией, а с другой – с эсхатологией: птицеподобное существо (*ястреб*) может обозначать как существование мира (он *есть*, существует), так и его уничтожение (его *едят* или могут *съесть*). Во втором аспекте показательна ассоциация имён со словом «яства», а применительно к тексту – цитата из финальной части: «И вся Вселенная была широко раскрытый **клюв ворона**» (т. 5, с. 37). Примечательно, что в качестве одного из творцов (и уничтожителей) миров представлен именно ворон – птица, связанная с смертельной семантикой, что, разумеется, осознавал и сам Хлебнико (см. начало текста: «...И были многие и многия: и были **враны с голосом “смерть!”** и крыльями ночей», т. 5, с. 34).

Таким образом, «Я-Мир» воплощает *представление отдельного «Я» как части целого одушевлённого Мира*, является *образом единой личности (или единого существа) космических масштабов*. При этом поэтологема может выражать и негативную семантику (не только творение, но и поглощение, уничтожение мира).

Третья поэтологема – «мыслящая печь» – развивает и конкретизирует предыдущие образы-понятия. Если «мыслезём» описывает мир как мыслящее целое, а «Я-Мир» – человека (либо иное существо) как космогоническую сущность, то «мыслящая печь» переносит ментальную деятельность на органический и бытовой уровни.

---

⁸ «Суть» в современном языке является существительным, но в древнерусском это слово выступало в качестве формы третьего лица глагола «есть». Ср.: «Они суть друзья» и «Они – мои друзья», то есть ‘Они есть мои друзья’.

Данная художественная единица впервые появляется в незавершённой поэме «Жуть лесная» (<1914>), где встраивается в лирический поток сознания и выступает в качестве элемента двойного противопоставления: «Тростник иль мыслящая печь, / И страсть ты тоже печка только» (т. 3, с. 131). Посредством первой антитезы (*мысль/страсть*) автор утверждает, что мыслительная деятельность и сфера чувств имеют одинаковое строение и функционируют схожим образом. Во втором противопоставлении (*тростник/печь*) содержится отсылка к известным поэтическим строкам Ф. И. Тютчева, одного из почитаемых Хлебниковым и относимых им к разряду «будетлян» [Карпов, 1991, с. 248] предшественников: «Откуда, как разлад возник? / И отчего же в общем хоре / Душа не то поёт, что море, / И ропщет **мыслящий тростник?**» («Певучесть есть в морских волнах», 1865) [Тютчев, т. 2, с. 142]. Истоком яркого образа служит следующий отрывок книги «Мысли» Б. Паскаля: «Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это **тростинка мыслящая**» [Паскаль, 1995, с. 136]. Поэтологизм «мыслящая печь» развивает концептуальную составляющую исходного паскалевского образа и его романтического переосмысления, продемонстрированного Тютчевым. У Хлебникова человек представляется не как самая «слабая в природе», медленно растущая и ропщущая тростинка мысли, но как активный когнитивный механизм получения и обработки знаний. В образной системе других текстов демонстрируется конкретизация (а иногда и локализация) поэтологемы: она становится не просто абстрактным концептом, но в прямом значении обретает «плоть», становится своеобразным органом мысли.

В драматической сцене «Лицо чернеет грубое...» (<1914–1915>) Хлебников изображает приход некоего скитальца к дому Верены и Верена (сестры и брата). Пришлец спрашивает у Верены, является ли её брат тем, кто «путешествует в зверинце по местечкам с косматым королём, сдавив рукой решётку холодную и круглую и прячется в углах» (т. 5, с. 237), на что получает положительный ответ. Когда Верен возвращается, то заявляет, что может проявить смелость в отношении странного гостя «с жестокими глазами» (т. 5, с. 237), а он в свою очередь говорит следующее: «Зачем такие речи? Немного добродушия, и скоро я уйду. Поужинай и **мыслящую печку дровами затопи**. Ты станешь веселее» (т. 5, с. 237). В ответ на это Верен предлагает пришлецу совместно с ним поймать бродящую по округе обезьяну, но внезапно гость убивает хозяина дома, на чём сцена и заканчивается. Действующее лицо-антагонист (убийца), таким образом, является либо радикальным борцом за равенство биологических «видов» (см. прозу «Еня Воейков», где эта тема описана подробно), либо непосредственно человекоподобной, разумной обезьяной (см. подобные образы в повести «Ка»).

Выделенная в представленной цитате образная конструкция выступает в качестве иносказания и, в сущности, передаёт смысл ‘Поужинай и подумай’.

В фантастической повести «Ка» (1915) поэтологизм используется при описании особого рода существ, носящих кожу как одежду. У них «мыслящая печь» является отдельным органом – неким мозгом-желудком, посредством которого они, вероятно, получают одновременно и питательные вещества, и знания: «Раз мы познакомились с народом, застегивающим себя на пуговицы. Действительно, внутренности открывались через полость кожи, а здесь кожа застегивалась на роговидные шарики, напоминавшие пуговицы. **Во время обеда через эту полость топилась мыслящая печь**» (т. 5, с. 114).

В стихотворении «Море пело “Вечную память”...» (1921) исследуемый поэтологизм близко соотносится с понятием «сознание». Хлебников поэтически осмысливает необходимость интеллектуального труда и генерации идей, представляет «мыслительное вещество» [Дуганов, 1990, с. 285] как пищу духа, без которой жизнедеятельность человека не может быть обеспечена должным образом: «Чудак! / Мог бы поленом войти / **В мыслящую печь человека** / И зажечь его ум новыми мыслями, / Новым разумом мысли. / Видишь, – голодный, согнулся и бродит. / **Печка живая без дров** ходит по берегу» (т. 2, с. 210). В другом художественном тексте («Безумный язык», 1921) образ-концепт встраивается в поток зауми и символизирует усилия, направленные на создание особого – безумного⁹ – языка: «**Две мыслящие печи** / бзам, бзам кво» (т. 2, с. 237). Поскольку стихотворение связано с разработкой одного из вариантов «зауми», под первой «мыслящей печью» может подразумеваться – Хлебников, а под второй – А. Кручёных, в соавторстве с которым были опубликованы манифесты «Слово как таковое» и «Буква как таковая». Однако представляется возможным понимать *две мыслящие печи* как два полушария мозга – органа, обеспечивающего когнитивную деятельность.

В одной из редакций стихотворения «Морской берег» (1922), которая имеет название «Затишье на море» и датируется 22 января 1922 года, рассматриваемая поэтологема выступает в качестве метонимии-перифразы, обозначая как

⁹ Здесь следует иметь в виду различие между конвенциональным значением слова «безумный» («лишённый ума, рассудка; сумасшедший») и интерпретаций Хлебникова в духе «заумного» («за пределами ума; за умом») языка. Иллюстративно было бы дефисное написание в духе грамматики философских текстов [Азарова, 2010, с. 20–21] – «без-умный» («без ума творимый; интуитивно-экспрессивный»). На тему «языков» Хлебникова см. [Григорьев 2000, с. 123–139].

ментальность человека (людей), так и физическое тело: «А люд-лучей золотое пятно / **Мыслящая печь** сорвала, наклонясь, – / Цветок незабудку. / Детская кража! Голубой сыневи у мировой синевы» (т. 2, с. 484). *Золотым пятном люд-лучей* маркируются «законы времени» применительно к человеческим судьбам, то есть речь идёт о «колебательных волнах времени»¹⁰. Данная тема развивается в поэме «Синие оковы», в которой исследуемая единица реализуется полуимплицитно и, кроме этого, включается в «будетлянский» дискурс: «Случалось вам лежать в **печи** / **Дровами** / Для непришедших поколений?» (т. 3, с. 335). Задавая риторический вопрос, лирический герой сообщает о том, что его деятельность является основой для устройства жизни потомков. «Мыслящая печь» превращается в «топливо», те самые *книги, растопка которых*, согласно Хлебникову, *образует учёность* (т. 6, с. 388). Вместе с тем реализация поэтологизма в цитируемом фрагменте содержит слабую семантику неприятия современным обществом. Своего апогея данное тематическое направление получит в сверхповести «Зангези», где станет одним из значимых символов невозможности построения утопии для тех людей, которые не могут понять и принять новые идеи: «Зангези! Мы заснули. Красиво, но не греет! / **Плохие дрова** срубил ты для **отопки** наших **печей**. Холодно» [Зангези, 2021, с. 83].

Таким образом, «мыслящая печь» имеет широкий поэтологический охват и может быть описана как *ментальная сущность человеческого бытия, некий приобретаемый в ходе когнитивной деятельности мыслеорган, реализующий познавательную, созидательную и волевою силы разума*. Вместе с тем поэтологема имеет антитетическую и драматическую семантику. В каждом случае коммуникации людей, обладающих «мыслящими печами», требуется особый подход («дрова»), поэтому разность «мыслящих печей» может быть причиной отъединения индивида от некоторого непонимающего коллектива. Здесь состоит важное отличие от «мыслезёма», который направлен на противостояние разобщённости мира путём интеграции всего живого и неживого. «Мыслящая печь» хотя и может расширяться до некоторых пределов, символизируя интеллектуальную деятельность некоторой группы людей, но в большинстве случаев выступает как индивидуализированный образ-концепт, обнажающий личностные особенности определённого героя/персонажа. Можно сказать, что «мыслезём» и «мыслящая печь» соотносятся как общее и частное, первое состоит из концентрации второго.

---

¹⁰ См., напр., в «Досках судьбы»: «Если первая точка отмечена крупным военным успехом некоторой волны человечества, была шагом завоевания, то вторая точка, через 3ⁿ суток, будет остановкой этого движения, днем отпора ему...» [Хлебников, 2000, с. 12].

Рассмотренные поэтологемы по-разному воплощают идею мировой ментальной силы, которая объединяет человека и природу. Дифференцированный анализ позволяет установить, что система взаимоотношений поэтологизмов строится на базе иерархии и взаимодополнения – от самого масштабного и абстрактного к наиболее конкретному: «мыслезём» – уровень макрокосма, «Я-Мир» – уровень антропокосма (или мезокосма), «мыслящая печь» – уровень микрокосма.

«Мыслезём» манифестирует высшую, натурфилософскую ступень единой системы. Он является метафорой универсума, представляющей весь мир и всю природу (живую и неживую) как единый мыслящий организм, мировой разум, в котором растворяются все частные проявления сознания. Ключевая функция образа-концепта – интегративная, он утверждает фундаментальное единство сущего, стирая границы между человеком, камнем, растением и космосом, и представляет собой «мыслящее вещество» мироздания.

Поэтологизм «Я-Мир» охватывает область субъект-объектных отношений, но не под углом противопоставленности, а ради их преодоления в синтезе. Если «мыслезём» безличен, то «Я-Мир» является персонифицированным космосом и в то же время личностью космических масштабов: «Юноша Я – Мир», «Мирязь», «Ястмир/Ястлюд» (сюда же относится оставшийся за пределами данного исследования «Ладомир» [но см. Дуганов, 1990, с. 70–74]). Это существо выполняет демиургическую и объединяющую функции, выступает как связующее звено между всеобщим «мыслезёмом» и отдельными человеческими сознаниями («мыслящими печами»). В «Я-Мире» абстрактная мировая мысль обретает голос, волю и творящую мощь лирического субъекта, который способен «высекать» целые миры. «Я-Мир» знаменует активное преобразование реальности, при котором единичные «Я» осознают себя всем «Миром», существующим как согласованное целое.

«Мыслящая печь» максимально конкретизирует идею всеобщей ментальной силы, переносит её на уровень отдельного индивида, его тела и личного бытия. «Мыслящая печь» может обозначать как человека в целом (быть парафразой), так и символизировать персонализированный орган познания или выступать метафорой сознания, понимаемого в качестве когнитивного механизма, который требует «топлива» (к примеру, книг) и интеллектуального труда. В отличие от всеобъединяющего «мыслезёма» и направленного на стирание границы между субъектом и объектом «Я-Мира», «мыслящая печь» может служить источником конфликта, подчёркивая отстранённость героя, например, посредством метафоры (*плохие*) *дрова для растопки печей*.

Таким образом, три поэтологизма образуют нисходящую цепь от общего к частному: от тотального единства («мыслезём») через творящее опосредование («Я-Мир») к индивидуальному субъекту познания («мыслящая печь»). Совместно данные образы-концепты образуют модель мировой ментальной энергии, которая воплощается и в отдельной личности, и в группе индивидов, и в окружающей действительности как едином целом. Можно утверждать, что «мыслезём» состоит из множества «мыслящих печей», соединённых друг с другом через демиургическое посредничество «Я-Миров» («Мирязей»).

Проведённый анализ позволяет реконструировать целостную и непротиворечивую концепцию единства человека и мира в художественной вселенной Велимира Хлебникова. Эта модель является одной из стержневых для творчества поэта и предстаёт как динамическая, многоуровневая система. При этом рассмотренные образы-термины позволяют ввести творческие разработки автора в широкое художественно-философское и научное поле, что было частично продемонстрировано выше посредством проведения параллелей с Мандельштамом, Тютчевым, Вернадским, Камю и др.

Важнейшими результатами нашего исследования стало установление семантики и функциональных свойств поэтологизмов «мыслезём», «Я-Мир» и «мыслящая печь», а также выявление системных отношений между ними. Данные образы-концепты не просто сосуществуют, а образуют иерархическую структуру, где «мыслезём» представляет общую субстанцию, «Я-Мир» – творящий принцип её воплощения, а «мыслящая печь» – частный уровень, активного субъекта когнитивной деятельности. Трёхуровневая поэтологическая модель и художественное представление её компонентов позволяет Хлебникову создать уникальное когнитивно-эстетическое пространство мысли.

Единство человека и мира у Хлебникова предстаёт не как данность, а как творческий процесс, осуществляемый на трёх уровнях бытия: космическом, личностно-мифологическом и ментально-телесном. Через рассмотренный выше поэтологический аппарат мышление утверждается в качестве универсального онтологического принципа, связующего микро-, мезо- и макрокосм в единый мыслящий организм. Проанализированные элементы художественной терминосистемы Хлебникова являются своеобразным ответом на кризис классических представлений о мире рубежа XIX–XX вв. и знаменует попытку объединения искусства, науки и философии.

Предложенная концептуальная модель открывает перспективы для дальнейших исследований, в частности, для более глубокого анализа представленных

поэтологом (поскольку здесь не удалось описать все случаи реализации каждой из единиц), а также для поиска и анализа других образов и понятий в творчестве Хлебникова, которые могут быть так или иначе вписаны в предложенную структуру или функционировать независимо от неё (например, «метабиоз», «законы времени», «звёздный язык»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Азарова, Н. М.** Конвергенция философского и поэтического текстов XX-XXI вв.: специальность 10.02.19 – Теория языка: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Азарова Наталья Михайловна. – Москва, 2010. – 44 с.
2. **Баран, Х.** О Хлебникове. Контексты, источники, мифы / Хенрик Баран. – Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. – 411 с.
3. **Бердникова, О. А.** Поэтологические модели серебряного века в контексте христианской духовной традиции: к постановке проблемы / О. А. Бердникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 16–23.
4. **Боклагов, Е. Н.** Концепция художественного творчества Велимира Хлебникова: философско-эстетический анализ: специальность 09.00.04 – Эстетика: диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук / Боклагов Евгений Николаевич. – Москва, 2000. – 145 с.
5. **Васильев, С. А.** Стиль Велимира Хлебникова в контексте культурной эпохи: черты неоромантизма / С. А. Васильев, О. О. Кузовлева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2025. – № 2(58). – С. 21–34.
6. **Григорьев, В. П.** Будетлянин / В. П. Григорьев. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 812 с. – (Studia poetica).
7. **Дуганов, Р. В.** Велимир Хлебников: Природа творчества / Р. В. Дуганов. – Москва: Советский писатель, 1990. – 372 с.
8. **Егоров, А. А.** Поэтологический образ «магического кристалла» как квинтэссенция творческого метода М. И. Цветаевой и И. А. Бродского / А. А. Егоров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11. Часть 2 (29). – С. 89–93.
9. **Житенев, А.** Современная российская поэтология и проблема экфрасиса / А. Житенев. – Berlin, Bruxelles, Chennai, Lausanne, New York, Oxford: Peter Lang. – 2022 (Neuere Lyrik: interkulturelle und interdisziplinäre Studien; Bd. 14). – 455 с.

10. **Иванов, В. Г.** Философский концепт и иконический знак в поэтике русского авангарда: специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Иванов Виктор Германович. – Новосибирск, 2005. – 168 с.

11. **Камю, А.** Сочинения: в 5 т. / пер. с французского / Худож. М. Квитка, О. Квитка / А. Камю. – Харьков: Фолио, 1998.

12. **Капустина, Е. А.** Миф о поэте в творчестве Велимира Хлебникова: специальность 10.01.01 – Русская литература: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Капустина Евгения Александровна. – Барнаул, 2005. – 204 с.

13. **Карпов, П. И.** Пламень; Русский ковчег; Из глубины / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. С. Куяева / П. И. Карпов. – Москва: Худож. лит., 1991. – 366 с. – (Забытая книга).

14. **Кекова, С. В.** От «мыслезёма» В. Хлебникова к панантропизму Н. Заболоцкого: опыт сопоставления поэтических философов / С. В. Кекова, Р. Р. Измайлова // Велимир Хлебников и русский авангард. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 17–19 октября 2013 г. / Сост. Т. В. Игошева. – Москва: Азбуковник, 2015. – С. 176–186.

15. **Киктев, М. С.** Хлебников и Вл. Соловьёв / М. С. Киктев // Арабист. Хлебниковед. Человек. М. С. Киктев (1943–2005): сборник памяти филолога-востоковеда М. С. Киктева. – Москва: Гуманитарий, 2007. – С. 5–9. – URL: https://www.ka2.ru/nauka/kiktev_2.html (14.09.2025).

16. **Корчинский, А. В.** Поэтология И. А. Бродского в контексте «Позднего модернизма» (Стихотворения к. 1960-х – н. 1980-х гг.): специальность 10.01.01 – Русская литература: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Корчинский Анатолий Викторович. – Москва, 2004. – 26 с.

17. **Кузовлева, О. О.** Черты романтизма как типа творчества в стиле В. Хлебникова / О. О. Кузовлева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 27. – № 4. – С. 141–152.

18. **Лотман, Ю. М.** Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: «Искусство–СПБ», 2000. – 704 с.

19. **Мандельштам, О. Э.** Собрание сочинений: в 4 т. – Москва: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999.

20. **Михалик, Е. А.** Метасюжет поэзии В. Хлебникова: преодоление разобщенности мира: специальность 10.01.01 – Русская литература: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Михалик Елена Александровна. – Пермь, 2010. – 27 с.

21. **Паскаль, Б.** Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург / Б. Паскаль. – Москва: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. – 480 с. с илл. – (Памятники мировой литературы).

22. **Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова:** Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации. Сост. и науч. ред. А. А. Россомахин. – Москва: Бослен, 2021. – 410 с.

23. **Сивоплясова, А. Н.** Проблематика и поэтика малой прозы Велимира Хлебникова: историко-литературный и этнокультурный аспекты: специальность 10.01.01 – Русская литература: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Сивоплясова Анастасия Николаевна. – Саратов, 2014. – 211 с.

24. **Степанов, Н. Л.** Велимир Хлебников : Жизнь и творчество / Н. Л. Степанов. – Москва: Советский писатель, 1975. – 280 с.

25. **Тростников, М. В.** Поэтология : специальность 24.00.01 – Теория и история культуры: автореферат диссертации в виде опубликованной монографии на соискание учёной степени доктора культурологии / Тростников Михаил Владимирович. – Москва, 1998. – 47 с.

26. **Тютчев, Ф. И.** Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. / сост., подгот. текстов, коммент. В. Н. Касаткина; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Ф.И. Тютчев. – Москва: Классика, 2002–2005.

27. **Федотова, С. В.** Поэтология Вячеслава Иванова: монография / С. В. Федотова. – Тамбов: ТОГОАУ ДПО «ИПКРО», 2012. – 293 с.

28. **Хлебников, В. В.** Собрание сочинений: в 6 т. / В. В. Хлебников. – Москва: Академический проект: Трикста, 2020.

29. **Хлебников Велимир.** Доски Судьбы / реконструкция текста, сост., очерк В. В. Бабкова. – Москва: Рубеж столетий, 2000. – 286 с.

30. **Чинаев, В. П.** Русский космизм в поисках абсолюта: параллели и пересечения в музыкальном, поэтическом и изобразительном творчестве 1910–1920-х годов / В. П. Чинаев // Научный вестник Московской консерватории. – 2019. – № 4 (39). – С. 70–97.

REFERENCES

1. **Azarova, N. M.** Konvergenciya filosofskogo i poehticheskogo tekstov XX–XXI vv. : special'nost' 10.02.19 – Teoriya yazyka: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoy stepeni doktora filologicheskikh nauk / Azarova Natal'ya Mikhaylovna. – Moskva, 2010. – 44 s.

2. **Baran, H.** O Khlebnikove. Konteksty, istochniki, mify / KH. Baran. – Moskva: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2002. – 411 s.

3. **Berdnikova, O. A.** Poetologicheskie modeli serebryanogo veka v kontekste khristianskoy dukhovnoy traditsii: k postanovke problemy / O. A. Berdnikova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2009. – № 2. – S. 16–23.
4. **Boklagov, E. N.** Konceptsiya khudozhestvennogo tvorchestva Velimira Khlebnikova: filosofsko-ehsteticheskiy analiz: special'nost' 09.00.04 – Ehstetika : dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata filosofskikh nauk / Boklagov Yevgeniy Nikolaevich. – Moskva, 2000. – 145 s.
5. **Chinaev, V. P.** Russkiy kosmizm v poiskakh absolyuta: paralleli i pere-secheniya v muzykal'nom, pochticheskom i izobrazitel'nom tvorchestve 1910–1920-kh godov / V. P. Chinaev // Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii. – 2019. – № 4 (39). – S. 70–97.
6. **Duganov, R. V.** Velimir Khlebnikov: Priroda tvorchestva / R. V. Duganov. – Moskva: Sovetskiy pisatel', 1990. – 372 s.
7. **Egorov, A. A.** Poetologicheskiy obraz «magicheskogo kristalla» kak kvintehssentsiya tvorcheskogo metoda M. I. Cvetaevoy i I. A. Brodskogo / A. A. Egorov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 11 2(29). – S. 89–93.
8. **Fedotova, S. V.** Poetologiya Vyacheslava Ivanova: monografiya / S. V. Fedotova. – Tambov: TOGOAU DPO «IPKRO», 2012. – 293 s.
9. **Grigor'ev, V. P.** Budetlyanin / V. P. Grigor'ev. – Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. – 812 s. – (Studia poetica).
10. **Ivanov, V. G.** Filosofskiy kontsept i ikonicheskiy znak v poehtike russkogo avangarda: special'nost' 10.01.08 – Teoriya literatury. Tekstologiya: dissertatsiya na soiskaniye uchyonoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Ivanov Viktor Germanovich. – Novosibirsk, 2005. – 168 s.
11. **Kamyu, A.** Sochineniya: v 5 t. / A. Kamyu: Perevod s francuzskogo / Khudozh. M. Kvitka, O. Kvitka. – Khar'kov: Folio, 1998.
12. **Kapustina, E. A.** Mif o pochte v tvorchestve Velimira Khlebnikova: special'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura: dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. – Kapustina Evgeniya Aleksandrovna. – Barnaul, 2005. – 204 s.
13. **Karpov, P. I.** Plamen'; Russkiy kovcheg; Iz glubiny / P. I. Karpov / Podgot. teksta, sost., vstup. st., komment. S. Kunyaeva. – Moskva: Khudozh. lit., 1991. – 367 s. (Zabytaya kniga).
14. **Kekova, S. V.** Ot «myslezyomA» V. Khlebnikova k panantropizmu N. Zabolotckogo: opyt sopostavleniya pochticheskikh filosofem / S. V. Kekova,

R. R. Izmaylova // Velimir Khlebnikov i russkiy avangard. Materialy nauchnoy konferentsii. Velikiy Novgorod, 17–19 oktyabrya 2013 g. / Sost. T. V. Igosheva. – Moskva: Azbukovnik, 2015. – S. 176–186.

15. **Khlebnikov, V. V.** Sobraniye sochineniy: v 6 t. / V. V. Khlebnikov. – Moskva: Akademicheskii proekt: Triksa, 2020.

16. **Khlebnikov, V.** Doski Sud'by / rekonstruktsiya teksta, sost., ocherk V. V. Babkova / V. Khlebnikov. – Moskva: Rubezh stoletiy, 2000. – 286 s.

17. **Kiktev, M. S.** Khlebnikov i Vl. Solov'yov / M. S. Kiktev // Arabist. Khlebnikoved. Chelovek. M. S. Kiktev (1943–2005): sbornik pamyati filologavostokoveda M. S. Kikteva. – Moskva: Gumanitarij. 2007. – S. 5–9. URL: https://www.ka2.ru/nauka/kiktev_2.html (14.09.2025).

18. **Korchinskiy, A. V.** Poehtologiya I. A. Brodskogo v kontekste «Pozdnogo modernizma» (Stikhotvoreniya k. 1960-kh – n. 1980-kh gg.): special'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Korchinskiy Anatoliy Viktorovich. – Moskva, 2004. – 26 s.

19. **Kuzovleva, O. O.** Cherty romantizma kak tipa tvorchestva v stile V. Khlebnikova / O. O. Kuzovleva // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2023. – T. 27. – № 4. – S. 141–150.

20. **Lotman, Yu. M.** Semiosfera / YU. M. Lotman. – Sfnkt-Peterburg: «IskusstvO–SPB», 2000. – 704 s.

21. **Mandel'shtam, O. E.** Sbranie sochinenij: v 4 tomakh / O. E. Mandel'shtam. – Moskva: Art-Biznes-Centr, 1993–1999.

22. **Mikhailik, E. A.** Metasyuzhet poezii V. Khlebnikova: preodolenie razobshchennosti mira: special'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Mikhailik Elena Aleksandrovna. – Perm', 2010. – 27 s.

23. **Paskal', B.** Mysli / per. s fr., vstup. stat'ya, komment. Yu. A. Ginzburg / B. Paskal'. – Moskva: Izd-vo imeni Sabashnikovyykh, 1995. – 480 s. s ill. – (Pamyatniki mirovoy literatury).

24. **Sivoplyasova, A. N.** Problematika i poektika maloy prozy Velimira Khlebnikova: istoriko-literaturnyy i etnokul'turnyy aspekty: special'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura: dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Sivoplyasova Anastasiya Nikolaevna. – Saratov, 2014. – 222 s.

25. **Stepanov, N. L.** Velimir Khlebnikov: Zhizn' i tvorchestvo / N. L. Stepanov. – Moskva: Sovetskiiy pisatel', 1975. – 280 s.

26. **Sverkhpovest' “Zangezi” Velimira Khlebnikova:** Novaya tekstologiya. Kommentariy. Receptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii. Sost. i nauch. red. A. A. Rossomakhin. – Moskva: Boslen, 2021. – 410 s.

27. **Trostnikov, M. V.** Poehtologiya: special'nost' 24.00.01 – Teoriya i istoriya kul'tury: avtoreferat dissertatsii v vide opublikovannoy monografii na soiskanie uchyonoy stepeni doktora kul'turologii / Trostnikov Mikhail Vladimirovich. – Moskva, 1998. – 47 s.

28. **Tyutchev, F. I.** Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 6 t. / sost., podgot. tekstov, komment. V. N. Kasatkina; Ros. akad. nauk. In-t mirovoj lit. im. M. Gor'kogo, In-t rus. lit. (Pushkin. Dom) / F. I. Tyutchev. – Moskva: Klassika, 2002–2005.

29. **Vasil'ev, S. A.** Stil' Velimira Khlebnikova v kontekste kul'turnoj ehpokhi: cherty neoromantizma / S. A. Vasil'ev, O. O. Kuzovleva // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie. – 2025. – № 2(58). – S. 21–34.

30. **Zhitenev, A.** Sovremennaya rossijskaya: poehtologiya i problema ehkfrasisa / A. Zhitenev. – Berlin, Bruxelles, Chennai, Lausanne, New York, Oxford: Peter Lang. – 2022 (Neuere Lyrik: interkulturelle und interdisziplinäre Studien; Bd. 14). – 455 s.

Статья поступила в редакцию 04.12.2025 г.